

Т.Г. Дубинина

СТИХОТВОРЕНИЕ А.С. ПУШКИНА «ДАР НАПРАСНЫЙ, ДАР СЛУЧАЙНЫЙ...» В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА И.С. ТУРГЕНЕВА 1830–1840-х ГОДОВ

В статье рассматривается вопрос об особенностях творческого восприятия художественно-философских идей Пушкина в поэзии Тургенева. В качестве материала выбраны следующие тексты: стихотворение Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...» и стихотворения Тургенева «Вечер» и «Цветок», а также поэмы «Параша» и «Андрей». Исследуется творческая полемика молодого Тургенева с его великим предшественником, которая станет важным этапом для продолжения пушкинской традиции в зрелом творчестве Тургенева-романиста.

Ключевые слова: Тургенев; Пушкин; традиция; лирика; поэмы.

Вопрос о пушкинской традиции в творчестве И.С. Тургенева поднимался неоднократно. Еще в XIX веке, откликаясь на только что опубликованную поэму Тургенева «Параша», В.Г. Белинский отмечал: «Многие найдут в поэме следы подражания Пушкину и особенно Лермонтову: это не удивительно, ибо живая историческая последовательность литературных явлений всегда смешивается толпою с холодной и бездушной подражательностью. Но люди мыслящие понимают, что быть под неизбежным влиянием великих мастеров родной литературы, проявляя в своих произведениях упроченное ими литературе и обществу, и рабски подражать — совсем не одно и то же: первое есть доказательство таланта, жизненно развивающегося, второе — бесталанности» [2: с. 78–79]. Таким образом, проблема «Пушкин — Тургенев» была обозначена еще современниками.

Впоследствии этот вопрос получил разработку в трудах многих исследователей: А.И. Батюто [1], Г.Б. Курляндской [6, 7], В.Н. Фридмана [13], А.Г. Цейтлина [14]. Ученые рассматривали в своих работах различные аспекты пушкинского влияния на произведения Тургенева. Однако проблема эта еще далеко не решена и живо интересует исследователей. Свидетельством тому могут служить появившиеся

ся за последние годы работы А.А. Бельской [3], И.А. Беляевой [4], В.Д. Сквозникова [9].

Необходимо отметить, что в большинстве работ по заявленной проблеме ученые, за редким исключением, делают вывод о том, что Тургенева можно в полной мере считать продолжателем и наследником Пушкина, — о бесспорном следовании им пушкинской традиции, прежде всего эстетическим принципам предшественника, о приятии Тургеневым пушкинской веры в человеческую личность.

Иную и, думается, более продуктивную концепцию предлагает И.А. Беляева [4]. Анализируя поэмы Тургенева в свете пушкинских, в частности «онегинских» традиций, исследователь приходит к выводу о творческом споре Тургенева с Пушкиным. Конечно, авторитет Пушкина для Тургенева оставался, как полагает ученый, и в те годы огромным, но вот пушкинскую картину мира молодой писатель принять не мог. Тургеневское мировидение было более пессимистичным, чем пушкинское (см.: [5]), и это стало основой для художественного спора, в процессе которого Тургенев пришел к принятию пушкинского мироотношения уже в эпоху своей «новой манеры», что во многом и позволило ему создать романы и повести — шедевры русской классической литературы.

Дополним позицию И.А. Беляевой собственными наблюдениями, обратив внимание на один пушкинский текст: стихотворение «Дар напрасный, дар случайный...» (1828). Известно, что оно было опубликовано в «Северных цветах» за 1830 год [10: с. 440] и Тургенев, внимательный читатель Пушкина, вероятнее всего, был с ним знаком. В названном произведении лирический герой задается вековыми вопросами о смысле и цели существования, о влиянии на судьбу и бытие человека неких тайных сил: «Кто меня враждебной властью / Из ничтожества воззвал...», приходя к неутешительному выводу: «Цели нет передо мною: / Сердце пусто, празден ум, / И томит меня тоскою / Однозвучный жизни шум» [8: III, с. 59].

Загадка человеческой жизни, влияние на судьбу и бытие человека тайных сил волнуют и лирического героя Тургенева. В стихотворении «Вечер» (1837) звучит его голос: «В моей душе тревожное волненье: / Напрасно вопрошал природу взором я; / Она молчит в глубоком усыпленье — / И грустно стало мне, что ни одно тво-

ренье / Не в силах знать о тайнах бытия» [12: I, с. 12]. Невозможность разгадать загадку жизни, ничтожность отдельной человеческой личности перед силами природы, зачастую враждебными человеку, глупо волнуют лирических героев обоих произведений.

С пушкинскими строками «Кто меня враждебной властью / Из ничтожества воззвал» напрямую сопрягаются тургеневские: «Здесь ночь и мрак — а там? Что будет там?» [12: I, с. 12]. Герой стихотворения «Вечер» также слышит в своей душе «голос внутренний, святой и неизменный»: это «Грядущего таинственный пророк» [12: I, с. 11]. Очень важно, что обоих героев волнует мысль о конечности жизни, невозможности предугадать, что таится за порогом земного пути. Лирический герой Пушкина размышляет: «Дар напрасный, дар случайный, / Жизнь, зачем ты мне дана? / Иль зачем судьбою тайной / Ты на казнь осуждена?» [8: III, с. 59]. В стихотворении Тургенева читаем: «Что если этот сон — одно предвозвещанье / Того, что ждет и нас, того, что будет там?» [12: I, с. 12]. Нельзя не отметить, что в обоих произведениях лирические герои не вписываются в круг обычной жизни, чужды ей и страдают от этого. Если пушкинского героя «томит <...> тоскою однозвучный жизни шум», то тургеневский воспринимает жизнь вокруг себя как «ночь и мрак».

Казалось бы, Тургенев прямо следует за своим предшественником. Однако это утверждение представляется поспешным. Ведь у пушкинского героя, наряду с размышлениями о смысле жизни и роли неких таинственных сил в судьбе человека, есть и мысль о духовно-духовном потенциале личности: ведь кто-то таинственный не только «из ничтожества воззвал» лирического героя, но и «Душу <...> наполнил страстью, / Ум сомненьем взволновал» [8: III, с. 59]. Думается, здесь справедливо говорить о бунте лирического героя, сознающего свои духовные и интеллектуальные потенции. Именно в невозможности реализовать эти силы и состоит трагедия героя, ведь перед ним нет цели: «...сердце пусто, празден ум».

Лирический герой тургеневского стихотворения «Вечер» лишен такой перспективы. Он полон «грустных дум и странных мыслей» [12: I, с. 11], но страсть его душе неведома. Он выступает не как бунтарь, стремящийся разгадать тайну жизни, а скорее как созерцатель, эту невозможность констатирующий.

Мысль о краткости и бренности жизни доминирует еще в одном стихотворении Тургенева — «Цветок» (1843) (см. подробнее: [11]). Несмотря на очевидную разность лирических сюжетов произведений, думается, все-таки можно говорить о некоторых параллелях. В тургеневском стихотворении заложена сходная с пушкинским «Дар напрасный, дар случайный...» мысль о тайных силах, управляющих судьбой. И то, что в роли враждебной силы выступает человек, а в роли объекта воздействия этих сил цветок, погубленный человеком, думается, не отменяет высказанного предположения. Гибель цветка трагична: он «...был заеден пылью знойной, / Спален полуденным лучом» [12: I, с. 29]. Таким образом, силой, погубившей цветок, становится не только человек, но и окружающий мир, враждебный цветку и уничтожающий его. Цветок погибает под воздействием внешних сил (человека и природы), которым он не может противостоять. Думается, здесь можно найти отголосок мыслей лирического героя пушкинского стихотворения, ведь жизнь его «судьбою тайной <...> на казнь осуждена», и от этой казни спасения нет. Нельзя не отметить, что бунтарские настроения, заложенные в пушкинском стихотворении, не находят продолжения у Тургенева — ведь цветок просто не в состоянии сопротивляться сорвавшему его человеку и иссушающей природе. Важно, что в нем даже не заложено основы для подобного сопротивления. Думается, здесь можно говорить о мотиве исключительно важном для Тургенева-художника и мыслителя, — о мотиве бренности красоты, которая сама по себе могла бы обладать спасительным потенциалом, но не выдерживает борьбы с теми враждебными силами, которые управляют бытием.

Мысль о случайности, бесцельности человеческого существования будет развиваться и в поэмах Тургенева. Представляется, что наиболее показательны в этом отношении «Параша» (1843) и «Андрей» (1847).

Сюжет «Параша» прост: уездная барышня случайно во время прогулки в саду знакомится с молодым дворянином по имени Виктор, влюбляется в него и, поскольку чувство оказывается взаимным, выходит замуж за своего избранника. Поэма завершается картинами счастливой семейной жизни Параша и Виктора, причем счастье их представлено читателю в комическом ключе. Однако за этим комизмом стоит мысль повествователя о трагичной скоротечности чело-

веческой жизни, о ее бесцельности и пустоте, о невозможности счастья, о власти неких тайных сил над человеческой судьбой, что уже напрямую сопрягается с ключевой идеей пушкинского стихотворения. Интересно, что главная героиня поэмы изначально наделена некоторым чувством, недаром рассказчику казалось, что

...ей суждено

Страданий в жизни испытать немало...

И что ж? Мне <рассказчику> было больно и смешно;

Ведь в наши дни спасительно страданье...

Однажды я, с невольною печалью,

Ее сравнил и с бархатом и с сталью...

[12: I, с. 77].

Однако Параша обманывает ожидания и читателя, и автора — не идет по пути «благодатного страдания». Она успокаивается в семейном быте, и жизнь ее течет, «Как ручеек извилистый, но плавный» [12: I, с. 99]. Тем задаткам, которые у нее были, не суждено было развиваться. Кстати, автор обвиняет в этом не саму героиню, а судьбу, от которой невозможно уйти: «Но рок, так всеми принято, жесток; / А потому и поступает строго» [12: I, с. 100]. Пошлость неумолимо проникает в человеческую жизнь, и ей нечего противопоставить: за молодыми влюбленными, опершись на забор, внимательно наблюдает сам Сатана. Враждебные человеку силы обретают вполне определенные очертания: «Друзья! Я вижу беса... на забор / Он оперся — и смотрит; за четою / Насмешливо следит угрюмый взор» [12: I, с. 98].

Интересно, что мысль о роли бесовских сил в судьбе человека будет иметь продолжение и обобщение, поскольку бес наблюдает не только за молодыми влюбленными:

Мне кажется, он смотрит не на них <Парашу и Виктора> —

Россия вся раскинулась, как поле,

Перед его глазами в этот миг...

И как блестят над тучами зарницы,

Сверкают злобно яркие зеницы;

И страшная улыбка проползла

Медлительно вдоль губ владыки зла

[12: I, с. 99].

Итак, Параша и Виктор лишь случайные жертвы рока, которому не в силах сопротивляться никто (по крайней мере в современной Тургеневу России). Видимо, еще и поэтому повествователь не склонен обвинять Парашу, ведь он не верит в возможность спасения от пошлости: «...в истине своих желаний я / Стал сомневаться, милые друзья» [12: I, с. 99].

Интересно, что лирического героя Пушкина «томит <...> тоскою / Однозвучной жизни шум», и это, возможно, дает право говорить о неприятии пошлости жизни Пушкиным. В таком случае Тургенев — его прямой наследник. Однако здесь необходимо сделать существенную оговорку. Если трагическое мироощущение пушкинского героя обусловлено невозможностью реализовать те духовные возможности, которые заложены в нем высшими силами, то героиня тургеневской поэмы личность явно менее масштабная, она не одарена ни страстной душой, ни умом, взволнованным «сомнением». Ее судьба осмысливается трагически рассказчиком, а сама Параша никакой трагедии не ощущает.

В поэме «Андрей» проводится мысль о хрупкости и бренности важнейшего для Тургенева-художника чувства — любви, что доказывает, с точки зрения автора, бессмысленность и пустоту человеческой жизни вообще. Главный герой поэмы, молодой дворянин по имени Андрей, влюбляется в жену своего знакомого, Дуняшу. Случается роман. Однако вскоре герой начинает тяготиться этими отношениями и, придумав благовидный предлог, навсегда покидает возлюбленную. По прошествии некоторого времени он получает письмо от Дуняши, в котором она прощает его и благословляет на «...жизнь обильную, святую... / И даже — на любовь иную...» [12: I, с. 168].

Очень важно, что, несмотря на, казалось бы, высшее счастье — любить и быть любимым, — Андрей начинает тяготиться своим положением, скучать, а уехав, забывает возлюбленную. Трагическая хрупкость любви, ее скоротечность подчеркивается в одном из лирических отступлений поэмы: «...и человек, / Владыко мира, ничему живому / Сказать не может: стой вот здесь навек!» [12: I, с. 149]. Ничтожность человеческой личности перед «мчащейся жизнью», которая летит в «далекое, таинственное море» [12: I, с. 149] — глу-

бокое убеждение Тургенева-художника. Нельзя не отметить, что подобные мысли высказывает и пушкинский лирический герой.

Однако есть огромная разница между пушкинским и тургеневским героями: первый страдает от невозможности реализовать свои душевные и интеллектуальные силы, второй не имеет их вовсе. Разлука с возлюбленной не воспринимается им как трагедия, мысль о хрупкости и скоротечности существования не приходит ему в голову, и трагичность человеческого существования он осознать не способен.

Итак, несмотря на то, что мотивы скоротечности и бесцельности жизни, звучащие в пушкинском стихотворении «Дар напрасный, дар случайный», наследованы Тургеневым вполне, говорить о совпадении художественных картин мира двух поэтов не представляется возможным. Герой Пушкина, осознавая бренность бытия, противопоставляет себя тайным враждебным силам, управляющим жизнью человека. Герои Тургенева в лучшем случае способны осознать эту бренность, но не противопоставить себя ей (как лирический герой в стихотворениях «Вечер», «Цветок»), в худшем — не видят и не чувствуют трагичности мироустройства.

Литература

1. *Батюто А.И.* Тургенев-романист / А.И. Батюто // Батюто А.И. Избранные труды. – СПб.: Нестор-история, 2004. – С. 315–568.
2. *Белинский В.Г.* Статьи и рецензии. Февраль – май 1843 / В.Г. Белинский // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 тт. – Т. 7. – М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. – С. 7–96.
3. *Бельская А.А.* Пушкинское в романе И.С. Тургенева «Накануне» / А.А. Бельская // Спасский вестник. – Вып. 17. – Тула, 2009. – С. 28–41.
4. *Беляева И.А.* Система жанров в творчестве Тургенева / И.А. Беляева. – М.: МГПУ, 2005. – 250 с.
5. *Клуге Р.-Д.* Идеюное содержание раннего поэтического творчества И.С. Тургенева / Р.-Д. Клуге // И.С. Тургенев и современность: доклады и сообщения Междунар. науч. конф., посвящ. 175-летию со дня рождения И.С. Тургенева (2–6 ноября 1993 г.) / Науч. ред. П.Г. Пустовойт. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 99–106.

6. *Курляндская Г.Б.* И.С. Тургенев и русская литература / Г.Б. Курляндская. – М.: Просвещение, 1980. – 192 с.
7. *Курляндская Г.Б.* И.С. Тургенев: Мировоззрение, метод, традиции / Г.Б. Курляндская. – Тула: ИПП «Гриф и К», 2001. – 229 с.
8. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 тт. / А.С. Пушкин; примеч. Б.В. Томашевского. – 4-е изд. – Л.: Наука, 1977–1979.
9. *Сквозников В.Д.* Пушкинская традиция / В.Д. Сквозников. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – 216 с.
10. *Томашевский Б.В.* Примечания / Б.В. Томашевский // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 тт. – Т. 3. – Л.: Наука, 1977. – С. 433–476.
11. *Трофимова Т.Б.* «Как хороши, как свежи были розы...» (Образ розы в творчестве И.С. Тургенева) / Т.Б. Трофимова // Русская литература. – 2007. – № 4. – С. 127–138.
12. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 тт. Соч.: В 15 тт. Письма: В 13 тт. / И.С. Тургенев. – М.; Л.: изд-во АН СССР, 1960–1968.
13. *Фридман Н.В.* Поэмы Тургенева и пушкинская традиция / Н.В. Фридман // Известия Академии наук СССР. Отд. лит. и яз. – М.: Наука, 1969. – Т. XXVIII. – Вып. 3. – С. 232–242.
14. *Цейтлин А.Г.* «Евгений Онегин» и русская литература / А.Г. Цейтлин // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 335–364.

T.G. Dubinina

**Pushkin's Poem "Dar Naprasniy, Dar Sluchayniy..."
in the Context of I.S. Turgenev's Works of 1830–1840's**

The article discusses the specific characteristics of Turgenev's creative perception of artistic and philosophical ideas of Pushkin's poetry. The author of the article takes as material the following texts: Pushkin's poem "Dar naprasniy, dar sluchayniy..." and Turgenev's poems "Tsvetok", "Vecher", "Parasha", "Andrey". The author investigates Turgenev's creative polemics with his great predecessor as an important step towards continuation of Pushkin's tradition in his mature works.

Key words: Turgenev; Pushkin; tradition; lyrics; poems.